

ВСТРЕЧИ

Год 1928. Жаркое лето. Семь лет не видел Алексей Максимович Ленинграда. Но во все эти годы он был в постоянной переписке с городом. Ему писали школьники, комсомольцы, коллективно писали литературные кружки заводов. Теперь Алексей Максимович с утра до вечера ходит по городу. Он знакомится со своими корреспондентами. Как они выросли за семь лет!

Целый вечер занимает беседа с сотрудниками комсомольской газеты. Идут жаркие споры о литературе. Алексей Максимович медлит опустить собеседников. Много редакций он видел в своей жизни, но такую молодую — впервые.

— Чтобы каждый день делать политическую газету, — говорит он, слегка покачивая головой, — надо много знать. Когда это вы научились?

От собеседников он получал в Италии письма, но...

— Не думал я, что вы так молоды. Откуда же у вас умение? Может, только зарядка от прошлых годов? Обновляете ли знания? Ну, кто из вас читал...

Название одной, другой, третьей книги.

— Ваш первый враг — зазнайство, — заключает Алексей Максимович беседу. — Зазнаяться вам легко. Ведь вы на готовое пришли. Те, кто делал революцию, много для вас накопили. Потому вы и вышли в редакторы. А сами-то вы копите?

К приезду Алексея Максимовича многое прибавилось в Ленинграде. Мы могли ему показать кварталы новых домов для рабочих на шоссе у Путиловского завода; Дом культуры с величавым амфитеатром, построенный на месте старого кабака «Стоп-сигнал», и рядом новую, огромную, залитую светом школу, над которой выдавался купол детской обсерватории. В то лето пригласили на место старого кабака «Стоп-сигнал», и рядом новую, огромную, залитую светом школу, над которой выдавался купол детской обсерватории. В то лето пригласили на место старого кабака «Стоп-сигнал», и рядом новую, огромную, залитую светом школу, над которой выдавался купол детской обсерватории.

Алексей Максимович ничего не пропускает, он изучает все. В 1928 году мы еще не совсем избавились от безработицы. В доме с башней на Кронверкском прохаживают последние безработные. Алексей Максимович хочет их видеть. Скамейка на сквере напротив дома становится наблюдательным пунктом. Место удобное. Рядом на скамейке сидят те, кому на бирже труда сказали, что сегодня возможен вызов на работу.

Соседями Алексея Максимовича оказываются каменщик и стеклодув, оба из Владимирской губернии. Он пытливно разглядывает их. Все изменилось. Изменились и безработные. Раньше это были люди, которые скоро теряли всякую опору в жизни и с трудом и редко находили ее вновь. Эти люди растекались по набережным Обводного канала, ютились на барках, в ямах, на свалке.

Как это знакомо Алексею Максимовичу! Но теперь следы прошлого уже едва заметны. Люди, которые сидят рядом на скамейке, совсем не опустившиеся, не потерявшие люди. Они просто ждут работы и знают, что работа скоро будет.

Стеклодув рассказывает Алексею Максимовичу, что металлистов на бирже вовсе не осталось, что с заводов часто звонят, нет ли на учете слесарей, токарей, лекальщиков. Сапожников тоже нет больше на бирже.

Алексей Максимович легко и просто оживляет разговор. Через минуту стеклодув начал рассказывать о себе самом. Он умеет выдувать не только оконное или бутылочное стекло, но и тонкую аптекарскую посуду.

Каменщик с увлечением рассказывает о том, что города теперь чинят солидно и красиво. Раньше он работал на... следует добрый десяток подрядческих фамилий. Работа была одинаковая — крупным булыжником мостили улицу. Теперь мостят ровно — клинкером, брусчаткой.

— Раньше одну только улицу так замостили, — вспоминает Алексей Максимович, — Бородинскую.

— Во-во, — подхватывает каменщик. — Одну Бородинскую. Всей артелью тогда смотреть ходили.

В свой приезд в 1928 году Алексей Максимович написал несколько очерков для московских и ленинградских газет. Они печатались одновременно с первыми отрывками из «Клима Самгина». В этих очерках проходили люди, подобные тем, с которыми он вел долгий разговор на скамейке на сквере.

В один из тех дней я отвез Алексея Максимовича на собрание рабкоров в редакции газеты, где я тогда работал. И вот помню, как Алексей Максимович идет между рядами стульев к трибуне.

Он в длинном сером, слегка мешковатом пиджаке. В зале жарко. На трибуне он слышит пиджак, остается в вязаной рубашке сиреневатого цвета, закуливает и готовится отвечать на вопросы. Как всегда, чуть нахмурив брови, он разглядывает тех людей, которых видит впервые.

Вопрос у этого зала в общем один: — Что нужно человеку для того, чтобы писать?

Алексей Максимович отвечает:

— Прежде всего нужно некое постоянное внутреннее волнение. Нужно знать, для чего ты хочешь писать. И надо сознавать, что не написать ты не можешь. Тогда уж можно брать перо в руки.

— А вдохновение? — спрашивает молодой рабочий, возможно, литкружковец.

— Никогда его не ждите. Оно придет — только сядьте за работу. Работайте каждый день. Если бы я ждал вдохновения, не знаю, сколько бы удалось мне написать.

В беседе скоро открывается, что Алексей Максимович знает многих из тех, кто сидит в зале. Знает по работе — по заметкам в газете, по журналам. Сорренто не было для него «прекрасное далеко», откуда родина видна только в общих очертаниях. Нет, он явственно видел всю родину и ее отдельных людей.

Алексей Максимович поехал на собрание рабкоров в Московский район. В автомобиле соседка, тихая женщина, напомнила ему о том, что он помогал ее первым писательским опытам. Это была Новикова-Вашенцева, писательница начинающая, но старше Алексея Максимовича почти на десять лет. Это последнее обстоятельство ее и беспокоило.

— Не поздно ли я принялась за это дело? — спросила она.

— Поздно не бывает, рано бывает.

— Все-таки скоро семьдесят стукнет.

— Книжку же написали? Было в жизни о чем писать?

— Ох, было...

— Ну так чего ж?

Шесть лет после этих дней я не видел Алексея Максимовича. В 1931 году он опубликовал свою известную статью о черном интернационале магнатов военной промышленности, статью, которая чрезвычайно актуальна и сейчас. Алексей Максимович обратился к писателям с деловым предложением разработать эту тему. Я рискнул. В конце 1933 года вышел мой роман «Малый мир».

В марте следующего года я получил приглашение Алексея Максимовича приехать к нему в Горки. Ехал я, нагруженный всякими рабочими планами. Предстояла беседа на весь вечер, и дорогой я думал, о чем и как буду говорить. И ничего из того, что я придумал, не пригодилось.

Мы подехали в сумерки. За воротами на аллею, что ведет к дому, было уже совсем темно.

Огромная комната. Она высока и потому кажется прохладной. За окнами снежный сад. И вот я слышу слегка шаркающие шаги в коридоре. Такой же серый просторный пиджак, как шесть лет тому назад. На ногах мягкие, подбитые мехом сапоги. Мне кажется, что Алексей Максимович стал более сутулым. Прибавилось седых в волосах, но в общем она еще не победила окончательно.

Эти дни особенно полны напоминаний о Горьком. Миновал день, который

начал новый год в жизни Алексея Максимовича. Прошлый год имя Горького получил Нижний-Новгород. А в эти дни получены десятки извещений о том, что в городах, колхозах великое имя стали носить дома культуры, клубы, кино, артели, школы.

Виновики этих торжеств, в которых принимает участие страна от края и до края, сидит простой, доступный всем, приветливый и неторопливо шутит:

— Вот если все эти места начнут мне отчеты присылать, вот работы-то будет!

Мы перешли в другую комнату, и, когда остались одни, первый вопрос Алексея Максимовича был:

— Почему вы не прислали мне «Малый мир» в рукописи?

Я отвечал, что не хотел беспокоить Алексея Максимовича, что, должно быть, и без того его заваливают книгами.

— Ваша текущая продукция, братья-писатели, — сказал Алексей Максимович, — к сожалению, не такая, чтобы заваливать стол.

Это говорил человек, который читал решительно все новое — книги, рукописи, журналы и аккуратно отвечал каждому автору.

— А я бы вам кое-что в рукописи поправил.

И он на память говорил об отдельных главах и страницах книги.

Впоследствии мне рассказывали, что перед каждым новым изданием своей книги Алексей Максимович просматривал текст и вносил много поправок. Бывало же так, что Алексей Максимович просматривал какую-либо из своих старых страниц, сдвигал брови и говорил с недоумением и неудовольствием:

— Не понимаю, как я мог так написать?

В тот вечер мы много говорили. Слова Алексея Максимовича запомнились мне точно, как формула.

— Не знаю, что должен знать советский писатель. Но знаю, что нет у нас такого, чего он не должен знать.

Разумеется, Алексей Максимович говорил о подлинном знании, а не о всезнайстве.

Об одном писателе, который любит не в меру щеголять цитатами и именами, Алексей Максимович сказал:

— Такие люди не пользуются знаниями, а наводят их на читателя, как... револьвер.

Много и горячо Алексей Максимович говорил о необходимости показывать читателю образы участников героической стройки.

— Вспомните, Лев Толстой говорил, что писателю порою надоедает писать о «выдуманных» людях, хочется писать о тех, кто жил, живет, кого все знают. Кое-кто из наших писателей по-барски относится к этой работе. Дескать, это «подлитература», а смотришь, и сами не справились бы с такой «подлитературой» — не хватит знания жизни...

В разные стороны повертывался разговор. Говорили о классиках, и еще раз я убеждался в том, что нет у нас такого человека, писателя или литературоведа, который так знал бы классиков, как Алексей Максимович. Это было чудесное, несравнимое знание, объемлющее все века писательской работы.

Вечер в Горках, вечер, никогда незабываемый, кончился. Я уехал в полночь.

Летом в Донбассе я узнал, что умер Максим Пешков. Я был в этот день на Макеевском заводе. Шел ремонт маргеновских печей. В обеденный перерыв в цех принесли газету.

Мы еще не знали тогда, что смерть Максима Пешкова — дело тех же черных полных рук, которые через два года убили Горького.

Сталевары написали ему письмо, полное горячего сочувствия.

Казалось, этот тяжелый удар надолго оторвет Горького от работы. Но недели через три я получил от Алексея Максимовича деловое письмо. Оно касалось первого номера организованного им журнала «Бол-хозник». Горький снова работал, напряженно и много, как работал всю жизнь.

С. МАРВИЧ.

КРАСНЫЙ ФЛОТ

МОСКВА

16 ИЮН 46